

М.А. Харламова

ЯЗЫКОВАЯ ЛИЧНОСТЬ ПОЖИЛОГО ЧЕЛОВЕКА СКВОЗЬ ПРИЗМУ ИНТЕРФЕРЕНЦИИ (НА ПРИМЕРЕ РЕЧИ НОСИТЕЛЯ СИБИРСКОГО ЧЕШСКОГО ГОВОРА)

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-012-00507.

Анализируется языковая личность пожилого билингва – этнического чеха, чье мировосприятие отражает ценности традиционной народной культуры полиэтнического региона, и это обусловлено историко-культурными особенностями проживания (интерференция под влиянием окружающих русских, украинских говоров, литературного языка; экстралингвистические факторы: возраст, мужской пол, сфера деятельности). Своеобразие мироотражения информанта связано с этническим языком и высокой степенью языковой рефлексии.

Ключевые слова: языковая личность пожилого человека; интерференция; двуязычие; среднеприиртышский чешский диалект.

Исследованию языковой личности посвящено много работ, однако изучение двуязычных носителей народной речи оказывается не столь частым явлением в лингвистике (см. о двуязычной и диалектной личности [1–11]). В центре нашего внимания – релевантные черты билингвальной языковой личности пожилого возраста, сформировавшейся в полиэтническом регионе, а также специфика мировосприятия двуязычного диалектоносителя: ценностные ориентиры и предпочтения, отраженные в речи. Двуязычные диалектоносители, как правило, осознают свою этническую принадлежность: *Да я ужэ абрусел / фсех знаю фсю область //; Тяжэло мне по-чешски я-бы если-п с-чехом цяс стоял-бы и вы ф-старане вот-я-бы с-ним разговаривал // Я ужэ как новорица обруселый чех //* (запись 2000 г.).

Поскольку целью предпринятого исследования является выявление своеобразия мироотражения двуязычной языковой личности – этнического чеха Шиллера Фёдора Антоновича (д. Новоградка, Калачинский р-н, Омская обл., 1938 г.р., образование 7 классов, водитель, запись 2000, 2004, 2012 г.), то следует указать, что последняя запись велась на чешском и русском языках. Один из собирателей-славист говорил с информантом на чешском, автор статьи участвовал в беседе и задавал вопросы на русском языке, респондент, соответственно, отвечал и на чешском, и на русском языке. Объем записей составил более 5 тыс. слов (или полтора часа – 2004 и 2012 гг.) и около 4 тыс. слов (2000 г.).

Избранная проблема является весьма значимой в связи с антропоцентрической направленностью современного языкознания, выявлением этнической специфики современного носителя народной культуры, а кроме того, специальным исследованием языковой личности современного пожилого человека и дискурса пожилых полиэтнического региона в рамках грантового проекта 2018–2020 гг. кафедры русского языка, славянского и классического языкознания ОмГУ им. Ф.М. Достоевского. Поскольку наш двуязычный респондент старше 60 лет, то его можно отнести к категории пожилых или людей старшего поколения (см. о возрастных параметрах личности [12, 13]).

Оба языка у диалектоносителя находятся в активном владении, разные языковые системы тесно взаимодействуют друг с другом в повседневной жизни, что является причиной интерференции, которая обнаруживается на разных уровнях языка.

Поскольку в статье анализируется двуязычная языковая личность, особое внимание мы уделяем понятиям *языковые контакты, двуязычие (билингвизм) и интерференция*. В своей работе У. Вайнрайх подчеркивает: «<...> два или несколько языков находятся в контакте, если ими попеременно пользуется одно и то же лицо. Таким образом, местом осуществления контакта являются индивиды, пользующиеся языком» [14. С. 22]; под интерференцией он понимает «те случаи отклонения от норм любого из языков, которые происходят в речи двуязычных лиц <...> вследствие языкового контакта» [14. С. 22]. Большинство отечественных ученых двуязычие определяют как знание двух языков в одинаковой степени совершенства [15].

Нас интересует взаимодействие родственных языков – русского и чешского, точнее среднеприиртышского (среднеприиртышского) чешского диалекта (см. о его чертах и термине [16–18]) – и восточнославянских языков (русского, украинского), диалекты которых бытуют на исследуемой территории. Кроме того, на территории Омского Прииртышья славяне издавна проживают в соседстве с неславянскими народами, поэтому возможно взаимовлияние славянских и неславянских диалектов (эстонского, латышского и др.) [17. С. 25–52]. Еще Л.В. Щерба указывал на то, что характер сосуществования двух языков в индивиде находится в зависимости от условий усвоения неродного языка [19. С. 47]. Как показывает анализ, при определенных социокультурных условиях у двуязычных носителей происходит нечто вроде слияния словарных запасов двух языков / диалектов в единый лексический фонд, репрезентирующий специфическое мировидение носителей традиционной (в нашем случае – сельской) речевой культуры [16, 20].

Фёдор Антонович Шиллер охотно общается на русском языке, однако в кругу семьи и с близкими, односельчанами-чехами легко переходит на родной среднеприиртышский чешский диалект. Анализ материала

ла показал, что круг тем в беседах с респондентом практически совпадает с темами, релевантными и для других информантов, проживающих в этом селе (см. [16, 20]): история переселения чехов в Сибирь, основание деревни Новоградки, этническая принадлежность и знание своего языка и культурных традиций и т.п. Во многом, безусловно, круг тем задан собирателями, однако к вопросу самоидентификации информант обращался неоднократно и без подсказки интервьюера.

Как и другие респонденты-чехи, Ф.А. Шиллер знает историю переселения предков в Среднее Прииртышье: *Наши кагда радители в-двоят'сот одинацатом ходу приехали сюда // Ани сразу астановились в-Оконешиникофском раёне не-не в-Залотой Ниве а это как её? ф-Плетнёўке // <...> а потом они аттуда приехали сюда в-Васкресенку населились сразу в-Васкресенке / в-Васкресенке нимноho пажыли / и чэхоў с-хахлами не-взяла дружба и они оделились // За-лес сюда переехали и тут ани облюбовали место // <...> У-меня атец дивят'сот одинацатоho хода / он здесь [в Омской области, а не на Украине или в Чехии] радился ўжэ // (запись 2012 г.), см. об этом [16, 18].*

Респондент рассказывает о чешских традициях, которые сибирские чехи берегут и стараются соблюдать (рассказ о свадебном обряде): *Ран'шэ как била дажэ невесту нел'зя было хохлушкы брать токо чех на-ческе <...>² это щас ужэ смешались а ран'шэ фсё-равно держали как-та эту // (запись 2000 г.); <...> Вот-ужэ када свад'ба идёт / значить-вот друзья-вот например ани ни-садились за-стол / никада ани первый день ани никада ни-сид'ели за-столом / ани фсё разнасили на-стала / панимаите? / вот-такой был закон ну-падрушки // (запись 2004 г.); Ну чисто чески сварьбы <hraly 'играли'> / дажэ если уи жэни-ла <...> чех на-рускей <> по-ческей традиции играли свад'бу / по-чески там нэвесте нарят фсё полна-стью брали по-ческу //; <...> И вот што характерно на-сварьбе <kluci 'молодые люди, парни'> за-стул нэ-сидали (ср. чеш. seděli) они были як официанты <kluci> под-нашыми...// (запись 2012 г.); чешские формы см. в [21. С. 347]¹.*

Высокий уровень языковой рефлексии отличает эту языковую личность. Это прежде всего касается осмысления информантом себя и окружающих с позиции *своё – чужое*. Так, можно привести высказывание, где есть не только размышления респондента о родном языке, но и сопоставление своей речи с чешским языком митрополии, оценка современной чешской речи митрополии: *По-туристической путёфки нас четвиго ездило рядом брат ездил в-восем'сят четвёртом ходу // Дажэ удивились пачему вот стоко лет и чешкий язык ешо сахранился здесь // Ну как понимать? ну понятно //; Дажэ старые чехи и то их [молодёжь] мало понимают жаргон у-них-жэ словки и чехи ну а в-смысле понять можно мы как такую Чехию мы быстро звали // Они речь тянут / я-та ешо молодой // (запись 2004 г.)*

Оценка особенностей чешской фонетики выявляет и характерную черту самого среднеприиртышского чешского говора – дистантную метатезу плавных (см.

об этом [18. С. 133]): *Они фсе чешские фамилии должны черес Э писаца / а мы фсё нас ужэ пад-немцэф // Наша фамилия ран'шэ должна быть Шыэр // А вы всех нас ужэ пад-немцэ смихчили / пад-немцеў (запись 2012 г.)*. Полагаем, такие примеры языковой рефлексии являются значимыми и определяющими своеобразие анализируемой двуязычной языковой личности.

Оценке подвергается и *своя* речь, в беседе косвенно указывается на «семейный» язык – язык, которым пользовались в повседневной жизни в семье информанта: *Вот когда мален'кий был / я по-русски ваще не-знал ф-школу пошол я по-русски разговаривать не-умел // <...> фсё-фсё на-чесском чисто чешский язык был [в семье информанта] а ужэ фсё вот школа начяла [о получении первых навыков владения русским языком в школе, где преподавание всегда велось только на русском языке] // (запись 2000 г.)*.

Респондент осознает, что он, как и сибирские чехи, теряет языковые традиции. Его чешская речь не только изобилует русскими вкраплениями, но практически представляет собой высказывание на русском языке (см. вышеприведенные высказывания о свадьбе, запись 2012 г.). Записи разных лет демонстрируют динамические изменения в речи респондента в результате межъязыкового (близкородственные языки – чешский и русский) и междиалектного контактирования (окружающие говоры – украинские, русские старожильческие и новосельческие, немецкие, эстонские), см. [17. С. 52–65; 18; 22]: *Ну-тут знаите бол'шы руских слов [вопрос собирателя был о том, на каком языке сейчас чехи чаще говорят с коллегами, соседями] // Типерь ужэ фсё канешна фактически если чиста па-ч'ески ано ни-сходица / вот па-крайний мери мы типерь разнавариваем вот-например наварим картошка / вот-шо-мы чехи шо-рускию а фактически па-ч'ески <brambola> (с отражением мены плавных /л/т/ – характерной черты сибирского среднеприиртышского чешского говора) картошка эта чиста чешские // (запись 2004 г.)*.

Влияние окружающих восточнославянских говоров проявляется не только в постепенном усвоении акающего произношения (этот процесс характерен и для окружающих русских старожильских говоров Среднего Прииртышья, развивающих аканье последние 50 лет, см. об этом [23]), но и в усвоении форм, отличающих речь местных этнических украинцев (в соседнем с. Воскресенке, по нашей информации, украинцы поселились раньше чехов, чехов и украинцев в начале XX в. «не взял мир», и чехи основали рядом д. Новоградку, где и проживает наш информант). Так, в высказывании: *И вот што характерно на-сварьбе <kluci 'молодые люди, парни'> за-стул нэ-сидали они были як официанты <kluci> под-нашыми...// (запись 2012 г.)*, – употребляется глагол прошедшего времени в характерной для этнических украинцев форме *нэ-сидали* (чеш. seděli < sedět) [21. С. 452]. Ср. фрагмент речи информанта на чешском диалекте (запись 2012 г.), где в рассказе о традициях чешской свадьбы практически отсутствуют русские или украинские вкрапления и сохраняется чешский строй речи – предложение с обобщенно-личной семантикой, что характерно, по наблюдениям исследователей,

именно для чешского сибирского говора, но отсутствует в современных чешских диалектах метрополии: *v dvanáct... hodín noci zdělávali vjenek... vot podle... jak se zdělá vjenek – patom požalujsta...* ‘в 12 часов ночи снимали венки... вот после, как снимут венки – потом пожалуйста...’ (Цит. по: [18. С. 135]).

Еще одной особенностью мироотражения диалектоносителя можно считать оппозицию *раньше–сейчас*, сквозь призму которой оцениваются информантом *работа, жизнь, семья, образование: Ран’ше было здесь конечно одни чехи щитай и на-парат ходили на-работу // Был управляющий чех / в-магазине продавец чешка фсё-фсё на-чешском / чисто чешкий язык был / а ужэ фсё вот школа начяла //* (запись 2000 г.); *Я знаю вот у-нас в-Ермолоўки был претседатель сел’сково совета / у-нево образования не-было никакowo нимношка там чють умел читать фсё / да/ как записал так и получилось //* (запись 2012 г.). Заметим, что умение логически выстроить высказывание составляет специфику языковой личности Шиллера.

Если учесть, что отдельная языковая личность «репрезентирует и себя лично в целом, и свой народ» [24. С. 242], то можно сделать вывод, что анализируемая языковая личность репрезентирует как индивидуальное, особенное, так и общее, что характеризует двуязычных чехов старшего поколения в Омском Прииртышье. Общее составляет: (1) усвоение двух языков и владение ими на высоком уровне с результатами интерференции (на фонетическом уровне: усвоение акающего и икающего произношения; на морфологическом: стяженные формы прилагательных, характерные для русских старожильческих говоров, и др.; на лексическом – лексико-семантическая адаптация: так, лексема *кура (курица)* употребляется информантом, как и другими чехами-односельчанами в значении ‘курица’, тогда как в чешском литературном *kuře* имеет семантику ‘цыплёнок’, а *slepice* – ‘курица’ [21. С. 356, 457], семантическая адаптация в речи этнических чехов может сопровождаться и структурными трансформациями (см. об этом [17. С. 58–65]); (2) сохранение культурных традиций; (3) ностальгические воспоминания о прошлом, по меткому замеча-

нию В.Е. Гольдина, «принципиальная традиционность, ориентация на прошлое» [25. С. 63]. К особенным (индивидуальным) чертам языковой личности можно отнести: (1) интерес к истории своей семьи в связи с историей села в целом, интерес к истории чехов в Сибири; (2) высокую степень языковой рефлексии, осознание и выражение личной оценки к языковым явлениям и фактам; (3) умение логически выстраивать свою речь.

Полагаем, что анализ отдельной языковой личности вносит определенный вклад в исследование ценностных установок и предпочтений двуязычных носителей, усвоивших два языка (в нашем случае речь о говорах родственных языков) с детства и использующих их в повседневном общении со своими сверстниками и в семье, и способствует дальнейшему изучению пожилого человека как объекта и субъекта речемыслительной деятельности в аспекте разработки возрастного измерения поликультурного коммуникативного пространства.

Следует отметить, что исследованная языковая личность предстает как носитель русско-чешского диалекта и двуязычная личность (легко «переключающая регистры» в зависимости от адресата, см. выше фрагменты о чешской свадьбе: первый рассказ прозвучал в беседе с автором статьи, второй – в беседе с автором статьи и со славистами-богемистами Скорвидом С.С., Поляковым Д.К. из РГГУ), сформировавшаяся под влиянием как лингвистических (родного диалекта и тенденций развития русского языка, окружающих говоров украинского языка, русских сибирских старожильческих и новосельческих и др.), так и экстралингвистических факторов социокультурного и историкокультурного порядка (обучение в русскоязычной школе; проживание и работа с соседями – этническими украинцами, русскими; влияние СМИ: в доме у информанта есть кабельное телевидение; географическое положение деревни – место проживания находится в 70 км от районного центра и более чем в 200 км от областного центра, туристическая поездка в Чехию в 80-е гг. XX в. и т.д.).

ПРИМЕЧАНИЕ

¹Ломаные скобки указывают на пропуски в расшифровках текстов (неразборчивые места в диалектных записях).

ЛИТЕРАТУРА

1. Андреева С.М. Формирование коммуникативной культуры языковой личности иностранных студентов-филологов в процессе обучения русскому языку: Подготовительный факультет : автореф. дис. ... канд. пед. наук. М., 2004. 21 с.
2. Балеевских К.В. Язык как экспликация культурного опыта писателя-билингва : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Ярославль, 2002. 23 с.
3. Иванцова Е.В. Феномен диалектной языковой личности. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2002. 312 с.
4. Казакова О.А. Языковая личность диалектоносителя в жанровом аспекте : автореф. дис. ... канд. наук. Томск, 2005. 23 с.
5. Куликов Д.В. Становление двуязычной личности в условиях искусственного билингвизма (лексический и лексикографический аспекты) : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Саратов, 2004. 26 с.
6. Лютикова В.Д. Языковая личность: идиолект и диалект : автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Екатеринбург, 2000. 26 с.
7. Нефёдова Е.А. Языковая личность в аспекте народной речевой культуры // Актуальные проблемы русистики : материалы Междунар. науч. конф. (Томск, 21–23 октября 2003 г.). Томск : Изд-во Том. ун-та, 2003. Вып. 2, ч. 1. С. 222–228.
8. Пауфощима Р.Ф. Житель современной деревни как языковая личность // Язык и личность. М. : Наука, 1989. С. 41–48.
9. Харламова М.А., Холкина Е.Ю. Своеобразие языковой личности этнической латышки // Языковая личность в зеркале современной коммуникации : материалы Всерос. науч. конф. «Язык. Система. Личность: Современная языковая ситуация и ее лексикографическое представление», 15–17 апреля 2010 г. Екатеринбург, 2010. С. 121–126.
10. Харламова М.А., Карташева М.А. Языковая личность сквозь призму интерференции // Речевая коммуникация в современной России : материалы III Междунар. конф. (Омск, 27–30 июня 2013 г.) : в 2 т. Омск : Изд-во Ом. гос. ун-та, 2013. Т. 1. С. 256–266.

11. Харламова М.А. Языковая личность двуязычного диалектоносителя // Языковая личность: моделирование, типология, портретирование. Сибирская лингвоперсонология / под ред. Н.Д. Голева, Н.В. Мельник и С.В. Оленева. М. : ЛЕНАНД, 2015. Ч. 2. С. 144–155.
12. Волков Ю.Г., Добренчиков В.И., Нечипуренко В.Н., Попов А.В. Социология : учебник. 2-е изд., испр. и доп. М. : Гардарики, 2003. 512 с.
13. Лантюхова Н.Н. Некоторые проблемы возрастной периодизации развития личности в современных научных исследованиях // Современная наука: опыт, проблемы и перспективы развития : материалы Междунар. науч.-практ. конф. (РФ, Нефтекамск, 30 сентября, 2015). Нефтекамск : Изд. НИЦ «Наука и образование», 2015. С. 53–55.
14. Вайнрайх У. Языковые контакты: состояние и проблемы исследования: пер. с англ. Киев : Вища школа ; Изд-во при Киев. ун-те, 1979. 263 с.
15. Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов. М. : Сов. энциклопедия, 1985. 607 с.
16. Харламова М.А. Чехи на территории Среднего Прииртышья : результаты межязыковой интерференции // Вопросы русистики. Poznan : Spółka Jawna, 2007. С. 77–86.
17. Харламова М.А. Константы народной речемысли и их лексикографическая интерпретация. Омск : Изд-во Ом. гос. ун-та, 2014. 290 с.
18. Скорвид С.С. Говор чехов Среднего Прииртышья: генезис и своеобразие // Вестник Омского университета. 2013. № 3. С. 129–135.
19. Щерба Л.В. О понятии «смешение языков» // Избранные работы по языкознанию и фонетике. Л., 1958. С. 40–53.
20. Харламова М.А. Язык и культура: этническая и культурная самоидентификация (на материале диалектной речи полиэтнического региона) // Gwary Dział / Gł. Krzysztof Kurek Vol. 8. Poznań. Wydawnictwo Poznańskiego Towarzystwa Przyjaciół nauk, 2016. S. 9–15.
21. Бездек Я. Русско-чешский и чешско-русский словарь. М. : Рус. яз. ; Медиа, 2007. 544 с.
22. Харламова М.А. Этническая самоидентификация и ее показатели в диалектном тексте // Ученые записки Казанского государственного университета. Т. 151. Серия: Гуманитарные науки. 2009. № 3. С. 281–287.
23. Игнатенко С.А. Динамические тенденции в вокалической системе тарского старожильского говора : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Омск, 2004. 22 с.
24. Шпет Г.Г. Внутренняя форма слова (Этюды и вариации Гумбольдта) // Шпет Г.Г. Психология социального бытия. М. : Ин-т практической психологии; Воронеж : НПО «МОДЭК», 1996. С. 49–260.
25. Гольдин В.Е. Доминанты традиционной сельской культуры речевого общения // Аванесовский сборник. К 100-летию со дня рождения чл.-корр. АН СССР Р.И. Аванесова. М. : Наука, 2002. С. 68–64.

Статья представлена научной редакцией «Филология» 29 апреля 2020 г.

The Language Personality of an Elderly Person through the Prism of Interference (On the Example of a Siberian Czech Dialect Speaker)

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2020, 455, 41–45.

DOI: 10.17223/15617793/455/6

Marina A. Kharlamova, Dostoevsky Omsk State University (Omsk, Russian Federation). E-mail: khr-spb@mail.ru

Keywords: language personality of elderly person; interference; bilingualism; Czech dialect of Middle Irtysh region.

The study is supported by the Russian Foundation for Basic Research, Project No. 18-012-00507.

The research was conducted within the framework of the actively developing area of linguistics—linguoperosology. It is devoted to the phenomenon of the bilingual language personality of an elderly person (born in 1938) based in the polyethnic Middle Irtysh region. The basic concepts of the study include language contacts, bilingualism, and interference. Its aim is to investigate relevant features of a bilingual language personality, in particular, factors influencing the processes of interference in speech, as well as the axiological component of the “linguoperoseme”. The research is based on the “live” speech recordings of ethnic Czechs made during the dialectological expeditions with the author’s participation in 2000, 2004, and 2012. The analyzed material includes over 9,000 words (incl. 5000 words from the ninety-minute audio recordings of 2004 and 2012). The analysis shows that the informant inherited certain linguistic features from Siberian Czechs—speakers of the Middle Irtysh Czech dialect, which is his “family” language as well as the language of communication with his fellow villagers—ethnic Czechs. At the phonetic level, the features include the distant metathesis of liquid consonants. At the semantic-syntactic level, the features are the Czech speech system (sentences with generalized and personal semantics, etc.); the worldview characteristic of this dialect is also present. Recordings from different years show dynamic changes in the respondent’s speech as a result of interlingual (closely related Czech and Russian languages) and interdialectal (surrounding Ukrainian, Russian old- and new-settlers’, German, Estonian dialects) contacts. Interference shows in the acquisition of such phonetic features as *akanye* and *ikanye*, in the use of contracted forms of adjectives (typical of Russian old-settlers’ dialects); lexical and semantic adaptation. The informant’s bilingual thinking reflects common features of the old generation of bilingual Czechs in the Omsk Irtysh region. They include the preservation of cultural traditions (wedding ritual), nostalgic memories of the past (through the prism of “now and before”), actualization of basic values: work, life, family, education. Individual features of the bilingual informant include interest in the history of his family in connection with the history of the village as a whole, interest in the history of Czechs in Siberia; a high degree of linguistic reflection (through the opposition “us”– them”), expression of personal evaluation of linguistic phenomena. The language personality is a native speaker of the Russian-Czech dialect and a bilingual personality (“switching registers” depending on the addressee) formed under the influence of both linguistic (native dialect, trends in the development of the Russian language, the surrounding Ukrainian dialects, Russian Siberian old- and new-settlers’ dialects) and extra-linguistic (sociocultural, historical and cultural) factors.

REFERENCES

1. Andreeva, S.M. (2004) *Formirovanie kommunikativnoy kul'tury yazykovoy lichnosti inostrannykh studentov-filologov v protsesse obucheniya russkomu yazyku: Podgotovitel'nyy fakul'tet* [The Formation of a Communicative Culture of the Language Personality of Foreign Philology Students in Teaching Russian: Preparatory Faculty]. Abstract of Pedagogy Cand. Diss. Moscow.
2. Baleevskikh, K.V. (2002) *Yazyk kak eksplikatsiya kul'turnogo opyta pisatelya-bilingva* [Language as an Explication of the Cultural Experience of a Bilingual Writer]. Abstract of Philology Cand. Diss. Yaroslavl.
3. Ivantsova, E.V. (2002) *Fenomen dialektnoy yazykovoy lichnosti* [The Phenomenon of Dialect Language Personality]. Tomsk: Tomsk State University.
4. Kazakova, O.A. (2005) *Yazykovaya lichnost' dialektonosatelya v zhanrovom aspekte* [The Language Personality of the Dialect Speaker in the Genre Aspect]. Abstract of Philology Cand. Diss. Tomsk.

5. Kulikov, D.V. (2004) *Stanovlenie dvuyazychnoy lichnosti v usloviyakh iskusstvennogo bilingvizma (leksicheskiy i leksikograficheskiy aspekty)* [The Formation of a Bilingual Personality in the Context of Artificial Bilingualism (Lexical and Lexicographic Aspects)]. Abstract of Philology Cand. Diss. Saratov.
6. Lyutikova, V.D. (2000) *Yazykovaya lichnost': idiolekt i dialekt* [Language Personality: Idiolect and Dialect]. Abstract of Philology Dr. Diss. Yekaterinburg.
7. Nefedova, E.A. (2003) [The Language Personality in the Aspect of Folk Speech Culture]. *Aktual'nye problemy rusistiki* [Topical Issues of Russian Studies]. Proceedings of the International Conference. Tomsk. 21–23 October 2003. Vol. 2. Pt. 1. Tomsk: Tomsk State University. pp. 222–228. (In Russian).
8. Pafoshima, R.F. (1989) Zhitel' sovremennoy derevni kak yazykovaya lichnost' [A Resident of a Modern Village as a Language Personality]. In: Smelyov, D.N. (ed.) *Yazyk i lichnost'* [Language and Personality]. Moscow: Nauka. pp. 41–48.
9. Kharlamova, M.A. & Kholkina, E.Yu. (2010) [The Peculiarity of the Language Personality of an Ethnic Latvian]. *Yazykovaya lichnost' v zerkale sovremennoy kommunikatsii* [Language Personality in the Mirror of Modern Communication]. Conference Proceedings. 15–17 April 2010. Yekaterinburg: Ural State Pedagogical University. pp. 121–126. (In Russian).
10. Kharlamova, M.A. & Kartasheva, M.A. (2013) [Language Personality Through the Prism of Interference]. *Rechevaya kommunikatsiya v sovremennoy Rossii* [Speech Communication in Modern Russia]. In 2 Vols. Proceedings of the III International Conference. Omsk. 27–30 June 2013. Vol. 1. Omsk: Omsk State University. pp. 256–266.
11. Kharlamova, M.A. (2015) Yazykovaya lichnost' dvuyazychnogo dialektonositelya [The Language Personality of a Bilingual Dialect Speaker]. In: Golev, N.D., Mel'nik, N.V. & Olenev, S.V. (eds) *Yazykovaya lichnost': modelirovanie, tipologiya, portretirovanie. Sibirskaya lingvopersonologiya* [Language Personality: Modeling, Typology, Portraiture. Siberian Linguopersonology]. Pt. 2. Moscow: LENAND. pp. 144–155.
12. Volkov, Yu.G., Dobren'kov, V.I., Nechipurenko, V.N. & Popov, A.V. (2003) *Sotsiologiya* [Sociology]. 2nd ed. Moscow: Gardariki.
13. Lantyukhova, N.N. (2015) [Some Problems of Age-Related Periodization of Personality Development in Modern Scientific Research]. *Sovremennaya nauka: opyt, problemy i perspektivy razvitiya* [Modern Science: Experience, Problems and Development Prospects]. Proceedings of the International Conference. Neftekamsk. 30 September 2015. Neftekamsk: Izd. NITs "Nauka i obrazovanie". pp. 53–55. (In Russian).
14. Weinreich, U. (1979) *Yazykovye kontakty: sostoyanie i problemy issledovaniya* [Languages in Contact: Findings and Problems]. Translated from English. Kyiv: Vishcha shkola; Izd-vo pri Kiev. un-te.
15. Akhmanova, O.S. (1985) *Slovar' lingvisticheskikh terminov* [Dictionary of Linguistic Terms]. Moscow: Sov. entsiklopediya.
16. Kharlamova, M.A. (2007) Chekhi na territorii Srednego Priirtysh'ya: rezul'taty mezh'yazykovoy interferentsii [Czechs in the Middle Irtysh Region: Results of Interlanguage Interference]. In: Kaliszán, J. (ed.) *Voprosy rusistiki* [Questions of Russian Studies]. Poznan: Spólka Jawna. pp. 77–86.
17. Kharlamova, M.A. (2014) *Konstanty narodnoy rechemysli i ikh leksikograficheskaya interpretatsiya* [Constants of Folk Speech and Their Lexicographic Interpretation]. Omsk: Omsk State University.
18. Skorvid, S.S. (2013) The Czech Dialect in the Middle Irtysh Area of Russia: Origin and Specificity. *Vestnik Omskogo universiteta – Herald of Omsk University*. 3. pp. 129–135. (In Russian).
19. Shcherba, L.V. (1958) O ponyatii "smeshenie yazykov" [On the Concept "Mixing of Languages"]. In: Matusевич, M.I. (ed.) *Izbrannyye raboty po yazykoznaniiyu i fonetike* [Selected Works on Linguistics and Phonetics]. Leningrad: Leningrad State University. pp. 40–53.
20. Kharlamova, M.A. (2016) Yazyk i kul'tura: etnicheskaya i kul'turnaya samoidentifikatsiya (na materiale dialektnoy rechi polietnicheskogo regiona) [Language and Culture: Ethnic and Cultural Self-Identification (Based on the Dialect Speech of a Multiethnic Region)]. In: Kurek, K. (ed.) *Gwary Dziś*. Vol. 8. Poznań: Wydawnictwo Poznańskiego Towarzystwa Przyjaciół nauk. pp. 9–15.
21. Bezdek, Ya. (2007) *Russko-cheshskiy i cheshsko-russkiy slovar'* [Russian-Czech and Czech-Russian Dictionary]. Moscow: Rus. yaz.; Media.
22. Kharlamova, M.A. (2009) Ethnic Self-Identification and Its Index in Dialectal Text. *Uchenye zapiski Kazanskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki – Proceedings of Kazan University. Humanities Series*. 151 (3). pp. 281–287. (In Russian).
23. Ignatenko, S.A. (2004) *Dinamicheskie tendentsii v vokalicheskoy sisteme tarskogo starozhil'skogo govora* [Dynamic Trends in the Vocal System of the Tara Old-Settler Dialect]. Abstract of Philology Cand. Diss. Omsk.
24. Shpet, G.G. (1996) *Psikhologiya sotsial'nogo bytiya* [The Psychology of Social Being]. Moscow: In-t prakticheskoy psikhologii; Voronezh: NPO "MODEK". pp. 49–260.
25. Gol'din, V.E. (2002) Dominanty traditsionnoy sel'skoy kul'tury rechevogo obshcheniya [Dominants of the Traditional Rural Culture of Verbal Communication]. In: Pshenichnova, N.N. (ed.) *Avanesovskiy sbornik. K 100-letiyu so dnya rozhdeniya chl.-korr. AN SSSR R.I. Avanesova* [Avanesov Collection. On the Occasion of the Centenary of the Birth of Corresponding Member of the USSR Academy of Sciences R.I. Avanesov]. Moscow: Nauka. pp. 68–64.

Received: 29 April 2020